

нанесенное намъ такимъ ничтожнымъ противникомъ, какъ японцы, нисколько насъ не образумило, и мы продолжаемъ идти въ томъ же направленіи, которое привело насъ къ пораженію, продолжаемъ углублять ту пропасть, которая лежитъ между солдатомъ и офицеромъ и которая заключается все въ большемъ и большемъ усложненіи образа жизни, такъ называемыхъ, образованныхъ, интеллигентныхъ классовъ, мы же всю нашу заботу полагаемъ не въ томъ, чтобы упростить эту жизнь, а въ томъ, чтобы дать офицерамъ средства вести эту сложную, недоступную солдатамъ жизнь, раскалывающую офицеровъ и солдатъ на двѣ породы непонимающихъ другъ друга людей. Если мы глубоко забыли нашу прежнюю жизнь, то хоть бы научились у нашихъ враговъ-японцевъ тому, что сдѣлало ихъ такими сильными, что дало имъ возможность одолѣть такого колосса, какъ Россія. Японскій уставъ внутренней службы указываетъ, что «командиръ роты долженъ изъ всѣхъ чиновъ роты создать одну семью. Нравственное вліяніе командира роты должно сопутствовать каждому солдату на всю его жизнь. Время отъ времени онъ сообщаетъ роднымъ солдатъ и мѣстнымъ властямъ объ ихъ поведеніи, внушаетъ нижнимъ чинамъ, чтобы они не отягачали родителей просьбами о деньгахъ. Находящихся въ госпиталяхъ командиръ обязанъ посѣщать, а также и заключенныхъ въ тюрьмы, стараясь нравственно вліять на послѣднихъ... Фельдфебель долженъ поддерживать сношенія съ родителями нижнихъ чиновъ и съ мѣстными властями. Если къ солдатамъ приходятъ родственники, то фельдфебель заботится, чтобы ихъ радушно встрѣтили, все имъ показали и рассказали... При пріемѣ новобранцевъ командиръ роты собираетъ провожающихъ родныхъ и знакомыхъ, разъясняетъ имъ воинскіе порядки и жизнь въ казармѣ» (Изъ № 25-го газеты «Вѣрность» отъ 24 іюня 1910 г.) Вотъ какъ у японцевъ устанавливается связь между войскомъ и народомъ, какъ народъ знакомится съ военною службою. Возможно ли у насъ что либо подобное? Мнѣ извѣстенъ такой случай: одинъ вольноопредѣляющійся по болѣзни сѣдалишнаго нерва былъ отправленъ въ лазаретъ; черезъ полтора мѣсяца ему не только не стало лучше, но стало хуже, и по освидѣтельствованіи признали его подлежащимъ увольненію отъ службы на четыре мѣсяца для поправленія здоровья; вольноопредѣляющійся воспользоваться такимъ увольненіемъ отказался, такъ какъ четырехмѣсячное домашнее лѣченіе не могло ему помочь, если уже полуторамѣсячное больничное лѣченіе нисколько не облегчило его болѣзни; изъ лазарета его выписали и онъ поселился въ казармѣ; исполнять служебныхъ обязанностей онъ не могъ и чрезъ нѣкоторое время ротный командиръ разрѣшилъ ему жить дома, когда же являлась нужда въ немъ, за нимъ посылали въ квартиру его отца. Но вотъ потребовалъ вольноопредѣляющагося командиръ баталіона; послѣ чего домой онъ не возвратился и былъ арестованъ за то, что не оставилъ въ ротѣ своего адреса, и его не могли будто-бы отыскать въ теченіе нѣсколькихъ дней, хотя раньше его легко отыскивали, такъ какъ отецъ его человекъ всему городу извѣстный, занимающій довольно видный постъ на государственной службѣ. Послѣ ареста вольноопредѣляющійся былъ лишенъ отпусковъ домой и жилъ въ казармѣ. Однажды онъ отправился въ околотокъ для совѣта съ врачомъ. Была сильная грязь, по болѣзни ногъ онъ надѣлъ калоши; встрѣчаетъ его